

Узник Спасо-Евфимиева монастыря

Июль 1826 года... Осужденные Верховным уголовным судом декабристы небольшими партиями и с соблюдением строгой секретности отправляются в Сибирь. 27 числа наступила очередь отставного майора, князя Федора Петровича Шаховского, члена первых декабристских организаций «Союза спасения» и «Союза благоденствия». Отправляли князя одним из первых, хотя судьба его была решена позже других. Он был причислен к 8 разряду, обреченному на лишение чинов, дворянства и пожизненную ссылку. Суровость, а главное несправедливость, наказания (ведь он давно отошел от движения) гнетут душу князя. Да и семейные обстоятельства далеко не просты. Он сам оценивает свое положение как «горестное и сомнительное». Федор Петрович беспокоится за семью. Ведь он оставил беременную жену с маленьким сыном на руках. Второй сын, Иван, так никогда и не увидит отца. Стойкий и мужественный человек, Шаховской далек от отчаяния. Он совсем недавно потерял мать. Бог даровал ей неведение об участи сына. Отец же, испив горькую чашу до дна, слег, чтоб уже никогда не подняться.

Позади бесконечные версты, впереди годы ссылки. И не знает Федор Петрович, что всей жизни ему осталось чуть менее трех лет. Только 8 сентября в Туруханске закончилась длинная дорога. Начался отрезок жизни, которую позже товарищи, прошедшие каторгу, назовут "медленной, продолжительной пыткой". Приехал в ссылку отставной майор, служивший в гвардии и получивший прекрасное воспитание в московском пансионе Жакино. Масон. Член 3-х лож: «Соединенных славян», «Трех добродетелей», «Сфинкса». Высокий голубоглазый блондин с сильным и волевым характером. У князя много планов. Бесперывными занятиями, а главное общественной полезностью их, пытается он скрасить тягостную жизнь. Своим гражданским долгом он считает оказание медицинской помощи местному населению. Вот когда пригодился ему прослушанный в свое время курс доктора Лозера. *«Шаховской занятием имеет чтение книг, составляет... лекарства, коими пользуется одержимых болезненными припадками жителей Туруханска»*, – официально доносит местное начальство. Когда своих знаний не хватало, на помощь приходили книги.

Много сил отдает он обучению крестьянских детей грамоте, составляет краткую грамматику русского языка. Исследования климата, растительности и почвы края заинтересовали директора Петербургского ботанического сада Ф.Б.Фишера, корреспондентом которого стал декабрист. Шаховской щедро делится всем, имеющимся у него. Из присылаемых ему денег платит недоимки за бедняков, оказывает поддержку Бобрищеву-Пушкину, сильно нуждающемуся. Однако уважение, чувство признательности местного населения не устраивают администрацию. И вот уже 7 мая 1827 года Енисейский гражданский губернатор предписывает: *«...запретить государственному преступнику Шаховскому лечить и обучать крестьянских детей»*.

Мелочные придирки, полное одиночество (сошел с ума единственный товарищ Н.С. Бобрищев-Пушкин) тягостно действуют на самого Шаховского. 12 августа 1827 года его переводят сначала в Красноярск, а затем в Енисейск. Сторонник передовых методов ведения сельского хозяйства, Шаховской делится своими знаниями с местным населением. Для внедрения и акклиматизации некоторых сельскохозяйственных культур он хлопочет об устройстве опытного хутора в Енисейске. Этим планам не суждено было сбыться.

Прошли всего год и десять месяцев ссылки, а его здоровье было безнадежно утрачено. Декабрист Сергей Кривцов, будучи проездом в Енисейске летом 1828 г., встретил уже совсем другого человека: *«... Я нашел бедного Шаховского в жалком положении: худой, тусклые и блуждающие глаза, сотрясается постоянно конвульсивными движениями, которые слишком доказывают состояние его бедного мозга... Причина его помешательства точно неизвестна, но когда он прошлой зимой получил портреты своих детей, это так возбудило его, что вскоре он впал в состояние, в котором я его нашел».*

Летом 1828 года Енисейский гражданский губернатор сообщает в третье отделение о сумасшествии государственного преступника Шаховского. Его помещают в больницу. Встревоженная жена, пытаясь облегчить участь мужа, просит о переводе Шаховского в собственное имение под надзор полиции, но Высочайшим повелением ссыльнопоселенец Шаховской был превращен в узника суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. И вот уже фельдъегерь с предписанием «немедленно доставить» мчится в Сибирь. Состояние «государственного преступника» в расчет не принимается, и его спешно собирают в дорогу прямо из больницы. В сборах этих участие принял красноярский городничий. На покупку необходимого в такой дороге «теплого платья» им потрачено 125 рублей. Деньги берутся из сумм, присланных Н.Д. Шаховской на содержание мужа в больнице. Все неудобное для транспортировки и малоценное из имущества оставлено для продажи с аукциона. Остальные вещи упакованы в коробку, два чемодана, ящик. Документы зашиты в холст. *«Тюк в холсте с бумагами»*, – значится в описи имущества. Отдельно упакована гитара. Из-за спешки в одном ящике оказались сапоги и полотенца, сапожные щетки и портреты близких.

Шаховского еще только собирают в дорогу, а вопрос о его пребывании в Спасо-Евфимиевом монастыре детально обсужден. Архимандриту, отцу Парфению предписано было "...поместить его под строжайший присмотр в приличной комнате, которая бы отдалена была от прочих заключенных, отстранив всякое между ими сношение".

6 марта 1829 г. прибыл в Спасо-Евфимиев монастырь Шаховской. Громаднейший путь от Енисейска до Суздаля преодолен всего за девятнадцать дней. Такая спешка, видимо, и была причиной того, что Федор Петрович в дороге обморозился даже при достаточном количестве теплых вещей. В донесении о приеме Шаховского бесстрастно сообщалось: «Доставленный по высочайшему повелению фельдъегерем Гейнрихом государственный преступник Шаховской находится в помешательстве ума и

болезненном положении, а именно по раздетию оказался озноб трех пальцев левой ноги, носа, уха и на обоих руках именных перстов, с лишением на левом ногте». Обследовавший его суздальский штаб-лекарь Чихов нашел, что никакой «опасности не предвидится». Тем не менее требуется постоянный врачебный надзор. Здоровье Шаховского доверили другому заключенному Алексею Навроцкому, бывшему гороховецкому лекарю, пьянице и буяну. Единственное, чего добились Наталья Дмитриевна для мужа, было разрешение прислать своего дворового человека для ухода за ним. В первые два месяца заключения формулировки о состоянии и поведении узника в донесениях архимандрита отца Парфения почти дословно повторяют друг друга: «...находился в помешательстве ума сопряженном с дерзостью и упрямством». В чем же эта «дерзость» выражалась, из донесений понять невозможно. Так же как и то, что произошло к 3 мая 1829 г. Именно с этого времени Шаховской отказался принимать пищу. И за три дня Федор Петрович "пришел в крайнее изнеможение и слабость". Об этом свидетельствует донесение от 6 мая. 13 мая его посетил владимирский гражданский губернатор Курута, после чего узник перестал и пить. Положение узника становится хуже, он фактически угасал на глазах. Вот строки донесений последнего месяца жизни декабриста:

15 мая

«...Находясь в сильном помешательстве ума и болезненном положении после посещения вашего превосходительства (Куруты – 3.0.) сего мая 13 числа не принимая никакой пищи, ни питья пришел в крайнее изнеможение и бессилие, так что уже не может и с постели встать».

22 мая

«...Изнемог так, что без поддержания других сидеть не может и говорит очень тихо и непонятно...»

24 мая

«...Государственный преступник Шаховской, находясь в сильном помешательстве ума, и быв одержим сильною болезнью, сего мая 24 числа в 1 часу пополудни волею Божию помер».

Вдове Шаховского в просьбе похоронить мужа там, где она хочет в Московском Донском монастыре или в своем имении в Ардатовском уезде, – было отказано, так как это «может произвести в народе неблагоприятное впечатление».

Похоронили Шаховского на территории монастыря.

Губерния. 1996. 7 ноября. С. 14.

